

— И чего ревёшь? Не стыдно?

Жуань Линцзю рассек бамбуковую ветвь, схватил острые осколки и, развернувшись, метнул их в нападавших. Осколки, разрезая воздух, точно попали в точки «цзюй-суй» на ногах взбешённых противников. Те, привлечённые запахом крови, лишь сделали шаг в сторону Жуань Линцзю, как осколки пронзили им сухожилия и переломали кости, заставив с грохотом рухнуть на колени.

— Кто вам позволил стоять в моём присутствии? — холодно спросил Жуань Линцзю.

На самом деле нападавшие не проронили ни слова, и единственный, кто осмелился заговорить при Жуань Линцзю, Чжан Шигэ, тут же прикрыл рот, притворившись немым. Затем сообразил: раз он лежит полуживой, значит, не стоит, а значит, и нарушением этикета это не считается.

— Хах... — Чжан Шигэ облегчённо выдохнул.

А Жуань Линцзю, казалось, объявил войну всей бамбуковой роще. Только что он разрубил ветку, а теперь уже ногой сломал несколько стволов. Лёгким движением ступни он подбросил обломки, и те без промаха угодили в лбы нападавших, стоявших на коленях. На этот раз сила удара была не столь велика, чтобы пробить тело, но достаточно, чтобы оглушить всех до единого.

— Кто вам разрешил поднимать головы? — добавил Жуань Линцзю.

Чжан Шигэ: «...»

Глава павильона, да вы просто нелогичны!

Чжан Шигэ поспешно опустил голову, переводя дыхание и глядя на свою кровоточащую рану. Несмотря на боль, на душе у него было удивительно легко, и он даже позволил себе мысленно пошутить. Глава павильона здесь, а значит, он в безопасности. Они все в безопасности.

Старший брат!

Он судорожно попытался подняться, чтобы подползти к брату, и залепетал:

— Старший брат... я ранил его, я должен... — Но не успел, потому что Жуань Линцзю, склонившийся над его раной, нахмурился и прижал его обратно:

— Куда собрался? Ещё хочешь получить?

Или тебе мало позора?

— Да с главой павильона на моей стороне кто посмеет меня тронуть? — с гордостью ответил Чжан Шигэ.

Тяжёлое ранение лишило его рассудка, и он осмелился пошутить в присутствии Жуань Линцзю.

Жуань Линцзю с каменным лицом нажал на акупунктурную точку, остановив кровотечение. Чжан Шигэ только собрался поблагодарить, как всё померкло перед глазами — Жуань Линцзю нажал на точку сна.

— Я, — одним словом ответил Жуань Линцзю, не меняя ледяного выражения.

Чу Гаотянь, находившийся вдалеке, не разбирал слов и плохо видел происходящее, но уловил, как Жуань Линцзю оглушил Чжан Шигэ. Сердце его заколотилось, и он, еле держась на ногах, поднял меч.

Не успел он сделать необдуманный шаг, как перед ним возник Жуань Линцзю, чьи намерения оставались неясны.

— Он был самонадеян, а ты тоже хочешь? — усмехнулся Жуань Линцзю и, снова взмахнув рукой, оглушил Чу Гаотяня.

Жуань Линцзю с раздражением окинул взглядом поле, усеянное телами. Один за другим, все эти самонадеянные дураки пытались спасти друг друга.

До смешного скучно.

Он повернулся в ту сторону, куда скрылся Ся Лан, оторвал полоску ткани и, зажав её в зубах, начал перевязывать руку, чтобы остановить кровь. В его голове промелькнула мысль: «И ещё один».

Он действовал неторопливо, не проявляя ни малейшей спешки.

— Я лично пришёл и даже кровь пролил. Ся Лан, а ты всё ещё надеешься выжить?

Белая тень, подобная призраку, исчезла в мгновение ока, оставив лишь размытый след, тающий в ночном тумане.

...

Холодная зимняя ночь окутала бамбуковую рощу, наполняя воздух ледяной сыростью. Ся Лан же в панике бежал, покрытый холодным потом.

В момент появления Жуань Линцзю его охватил ужас, и он, не раздумывая, бросился прочь. Хотя он и гордился своим искусством лёгкого шага, сейчас не мог позволить себе ни секунды промедления.

Ведь за ним гнался сам Жуань Линцзю, глава павильона.

После вступления в должность Жуань Линцзю сразу же издал три новых указа: запретил без разрешения использовать живых людей для практики гу, запретил торговлю людьми и потребовал, чтобы все дела докладывались лично ему. Его рвение вникать во все мелочи быстро поглотило драгоценное время. Поскольку в указах говорилось «без разрешения», а у главы павильона не было времени всё рассматривать, постепенно запрещённые действия попросту сошли на нет.

Ся Лан специализировался на практике и управлении гу, особенно на «торговле». Новые указы главы павильона лишили его возможности использовать свои навыки. Три года он внешне подчинялся, но втайне продолжал заниматься тем, чем хотел.

Он думал, что после того, как Жуань Линцзю расправился с шестью старейшинами, тот успокоится. В конце концов, как молодой человек сможет управлять таким огромным Павильоном Ушоу без поддержки старейшин? Но он не ожидал, что молодой глава павильона не просто ждал подходящего момента, но и искал доказательства. И Чжан Шигэ был тем, кого он отправил в уезд Ланьпин для сбора этих доказательств.

Теперь, когда его деятельность раскрыта, он должен бежать как можно дальше, иначе, под воздействием крови главы павильона, он не сможет сопротивляться.

Стоп...

Что-то не так.

Ся Лан резко остановился, оглядывая тихую бамбуковую рощу.

Он помнил, что в момент появления Жуань Линцзю тот намеренно пролил кровь, чтобы отвлечь внимание всех. Какое выражение было на лицах гу, которых он контролировал? Страх перед кровью главы павильона?

Нет, это был не страх, это был... голод!

Как низшие гу осмелились испытывать голод к крови главы павильона?

Ся Лан впился пальцами в череп, который держал в руке. Это был череп, пропитанный кровью старого главы павильона, и даже эта старая кровь давала такую силу. Почему же живой глава павильона предпочёл пролить кровь, вместо того чтобы просто отдать приказ?

Не захотел или не смог?

Ся Лан начал подозревать, что приближается к разгадке тайны, скрывавшейся годами. Он снова ускорил шаг.

Он вспомнил, как впервые увидел Жуань Линцзю. Это было уже после того, как новый глава павильона вышел из затворничества и начал свою кровавую чистку. Все выжившие говорили, что новый глава павильона более капризен и кровожаден, чем старый. Он поверил этому, поэтому последовал совету старейшины Цяо и ушёл в затворничество, тайно практикуя гу, держась подальше от глаз нового главы павильона. Но вскоре он заметил, что новый глава павильона больше не предпринимает активных действий, и постепенно расслабился.

Теперь, оглядываясь назад, он начал замечать противоречия.

Если Жуань Линцзю действительно был капризным сумасшедшим, почему он вдруг остановился и два года ничего не предпринимал? Он убил старейшин, уничтожил подчинённых, но это были старейшины, преданные старому главе павильона, и подчинённые, верные старому главе. Кроме него, спасшегося благодаря затворничеству, все погибшие были теми, кто преклонялся перед старым главой павильона.

Он не сошёл с ума, он устранял оппозицию, прокладывая себе путь. Это были не бессмысленные убийства, а тщательно спланированные действия.

Глава павильона, обладающий высшей кровью гу, мог бы просто отдать приказ, и никто в Павильоне Ушоу не смог бы ослушаться. Поэтому предыдущие главы павильона никогда не нуждались в таких интригах и расчётах. Все были их руками и ногами.

Но Жуань Линцзю нуждался в этом.

В глазах Ся Лана мелькнула искра сомнения.

Кто же ты на самом деле, Жуань Линцзю?

Бамбуковая роща слегка зашелестела, и в тишине раздался ясный голос.

— Глубокой ночью, старейшина Ся, ты, должно быть, занят уничтожением свидетелей?

— Глава... павильона?

— ? — Жуань Линцзю, казалось, уловил сомнение в его голосе и переспросил:

— А кто же ещё? Неужели за несколько дней разлуки ты забыл меня?

Ся Лан настороженно оглянулся и увидел, как Жуань Линцзю, потягиваясь, медленно приближается к нему. Он невольно отступил на два шага.

— Давно не видел главу павильона, я немного растерялся... — он продолжал почтительно обращаться к главе павильона, но в голове думал: «Жуань Линцзю пришёл, чтобы арестовать меня за нарушение приказов или чтобы уничтожить свидетеля?»

— Осмелюсь спросить, глава павильона, зачем вы лично прибыли в уезд Ланьпин? — Ся Лан спрятал череп за спиной и незаметно открыл огниво, размышляя: «Если он не настоящий глава павильона, то моё искусство управления гу должно подействовать на него, если я увеличу дозу...»

<http://bllate.org/book/16258/1462851>